

В. А. Жуковскій.

В. А. Жуковскій занимаетъ въ нашей литературѣ особое положеніе. Мы говоримъ о карамзинскомъ, пушкинскомъ ея періодѣ, но съ именемъ Жуковского понятія періода не соединяемъ. Кругомъ него есть подражатели, нѣтъ собственно школы; передъ нимъ его учителя, послѣ него ученики, подслушавшіе «плѣнительную сладость» его стиха, но нашедшіе и новое содержаніе для своей поэзіи. Отзвуки державинской помпы, едвали ему свойственной, слышатся въ его раннихъ опытахъ и, позже, въ патріотическихъ одахъ; затѣмъ имъ надолго, я сказалъ бы навсегда, овладѣлъ карамзинскій сентиментализмъ. Къ этому настроенію онъ былъ приготовленъ раннимъ опытомъ сердца, не находившаго встрѣчности въ родной семьѣ, воспитаніемъ и чтеніями въ московскомъ университетскомъ Благородномъ пансіонѣ, всего болѣе—недочетами чувства, на этотъ разъ встрѣчнаго, но заторможеннаго требованіями условной нравственности и каноническаго права, — и оно рвалось въ выси платоническихъ мечтаній, среди надеждъ на возможность тихаго счастья и постоянныхъ разочарованій. Эта-то любовь, развитіе которой мы можемъ прослѣдить до мелочей, и сдѣлала Жуковского поэтомъ: сентиментализмъ далъ ему готовые поэтическія формулы, программу жизни; въ карамзинской школѣ все это было или становилось игрой, стихотворнымъ отводомъ напускной чувствительности; Жуковскій пережилъ многое на дѣлѣ, глубоко и правдиво. Онъ единственный, настоящій поэтъ этого направленія; отголоски западнаго романтизма, залетавшіе къ